

Соловьев Евгений Андреевич

**Оливер Кромвель, его жизнь и
политическая деятельность**

Биографический очерк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Андреевич С.**
Оливер Кромвель, его жизнь и политическая деятельность: Биографический очерк / Соловьев Евгений Андреевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 102 с.

ISBN 978-5-519-74742-4

ISBN 978-5-519-74742-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
ВВЕДЕНІЕ	5
I. ПЕРВЫЯ Сорокъ лѣтъ	12
Родъ и семья Кромвелл. — Дѣтство и юношество. — Рели- гіозныя сомнѣнія. — Отношеніе къ кальвинизму и пурита- низму. — Скромный сельскій джентльмэнъ. — Участіе въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ.	
II. БОРЬБА СЪ КОРОЛЕМЪ. АРМІЯ КРОМВЕЛЯ	38
Долгій парламентъ. — Пресвитеріанская революція. — Ин- дипенденты. — Армія парламента и армія Кромвеля. — Нобѣды надъ королемъ. — Казнь Карла I.	
III. БОРЬБА СЪ ПАРЛАМЕНТОМЪ	63
Развитіе радикальныхъ элементовъ революціи. — Уравни- тели правъ и уравниатели состояній. — Люди пятой монар- хіи. — Походы Кромвеля въ Шотландію и Ирландію. — Борьба арміи съ парламентомъ. — Побѣда арміи надъ пар- ламентомъ.	
IV. ПРОТЕКТОРАТЪ	76
Кромвель становится протекторомъ. — Отношеніе къ роя- листамъ и сектантамъ. — Заговоръ. — Парламенты Кром- веля. — Его деспотизмъ. — Переиѣна въ характерѣ. — «Счастливейшій день въ жизни».	

Главнѣйшіе источники и пособія.

- 1) *Oliver Cromwell's Letters and speeches with elucidations* by T. Carlyle.
 - 2) *Гизо*. „Исторія англійской революціи“. 3 т. Спб. 1860 г.
 - 3) *Gardinere*. „The first two Stuarts and the puritan revolution“.
 - 4) *Macaulay*. „History of England“ т. 1.
 - 5) *Ranke*. „Englische Geschichte vornehmlich im XVII Jahrhundert“.
 - 6) *Guizot*. „Collection“ и пр.
 - 7) *М. Ковалевскій*. „Родоначальники англійскаго радикализма“. Статья въ «Русской Мысли». №№ 1—3. 1892 г.
-

В В Е Д Е Н І Е.

«Ближайшее потомство клеймило Кромвеля, какъ нравственное чудовище, а въ позднѣйшее время его прославляли, какъ величайшаго изъ людей».

Такъ говоритъ Ранке. Выражаясь точнѣе, можно сказать: XVII-ый вѣкъ ненавидѣлъ и презиралъ Кромвеля, XVIII-ый не понималъ его и только XIX-ый воздалъ ему должное. Иначе не могло и быть. Историки и люди XVII-го вѣка отнеслись къ Кромвелю, какъ люди партіи. Они охотно вѣрили всякимъ небылицамъ, которыя только рассказывались про него; они готовы были даже клеветать, чтобы какъ нибудь очернить память этого страшнаго и непонятнаго для нихъ человѣка, чьему слову еще такъ недавно вольно или невольно подчинялась вся Англія. Они упрекали Кромвеля въ распутной юности, грязныхъ болѣзняхъ, ханжествѣ и лицемеріи. Они называли его сыномъ дьявола, узурпаторомъ и цареубійцей. Они не хотѣли признать въ немъ даже генія и съ удовольствіемъ распространялись о его поразительныхъ способностяхъ къ интригѣ. И не только роялисты, защитники трона и династіи Стюартовъ, поступали такъ—на Кромвеля возстали и тѣ, которые долго были его друзьями, т. е. искренніе республиканцы. И они осудили его, и для нихъ онъ былъ ханжой и лицемеромъ. Не зная границъ своему раздраженію, враги Кромвеля дошли до послѣдняго безобразія и жестоко надругались надъ его трупомъ, разрывъ могилу, а историки XVIII-го вѣка, подчиняясь взглядамъ и страстямъ партій, нагромодили на его память такую массу клеветъ, что, повѣривши одной сотой изъ нихъ, слѣдовало бы искренне пожелать Кромвелю жесточайшаго адскаго огня во вѣки вѣковъ. Для XVIII-го вѣка первая англійская революція (1641 — 1661) и ея герой были непонятны. XVIII-ый

вѣкъ вѣрилъ въ разумъ, почиталъ разумъ, преклонялся только передъ нимъ. Онъ третировалъ религіозные интересы, которые были такъ дороги людямъ за столѣтіе передъ тѣмъ. Онъ смѣялся надъ словомъ *святость* и вездѣ, гдѣ только могъ или думалъ, что могъ, вмѣсто смиреннаго «вѣрую» ставилъ свое гордое «знаю». Онъ презиралъ фанатизмъ и фанатиковъ, вышучивалъ молитву и въ лицѣ многихъ и многихъ своихъ философовъ-моралистовъ склонялся къ мысли, что человѣкъ не можетъ руководиться въ жизни ничѣмъ другимъ, какъ разсудкомъ и эгоизмомъ. Очевидно, что Кромвель и его «святые» индипенденты не подходили подъ модное требованіе. Они были фанатиками, они вѣрили не только въ Провидѣніе, а еще и въ то, что Провидѣніе избрало именно ихъ для исполненія своихъ предначертаній. Они никогда не вичились разсудкомъ, а охотно подчиняли его высшей съ ихъ точки зрѣнія силѣ—силѣ экстаза, интуиціи, священнаго вдохновенія. Не такіе люди могли являться героями въ глазахъ философовъ и историковъ XVIII-го вѣка. Ему нужны были Ньютоны, Галиллеи и Коперники; онъ восторгался формулой тяготѣнія и иронически, а иногда и съ раздраженіемъ говорилъ о религіозныхъ движеніяхъ, считая ихъ результатомъ происковъ ненавистнаго ему духовенства. Зато XIX-ый вѣкъ оказался на высотѣ своей задачи. Только въ этомъ столѣтіи исторія дѣйствительно стала наукой и добилаь поразительныхъ успѣховъ. Строгая критика фактовъ и вѣротерпимость (въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова)—вотъ основа новыхъ историческихъ изслѣдованій. Стремленіе во что-бы то ни стало отдѣлаться отъ легендъ и басенъ, отъ всякой лжи внѣшней и внутренней, какъ бы ни льстила она національному самолюбію или поддерживала тотъ или другой партійный интересъ, и создаетъ науку. А это стремленіе существуетъ, и исторія въ XIX-омъ вѣкѣ можетъ гордиться имъ наряду съ любой изъ отраслей человѣческаго знанія. Поэтому-то такъ много развѣнчанныхъ героевъ, оказавшихся совсѣмъ не героями, а еще больше дѣятелей, которымъ воздано по дѣламъ ихъ, несмотря на мусоръ, наваленный на ихъ память клеветой и партійностью.

Девятнадцатое столѣтіе—за Кромвеля. Нѣкогда «чудовище нравственности» и сынъ Вельзевула, онъ нашелъ себѣ такого спокойнаго и справедливаго судью, какъ Ранке, такого восторженнаго и страстнаго адвоката, какъ Карлейль, такихъ краснорѣчивыхъ и даровитыхъ защитниковъ, какъ Маколей, Гизо и пр. Нѣтъ ни одного маломальски выдающагося историка, который сомнѣвался бы въ его величіи. А разъ величіе признано, то что еще остается признать по

крайней мѣрѣ въ данномъ случаѣ? Вѣдь Кромвель не мыслитель-теоретикъ, не специалистъ науки, не поэтъ или художникъ, это прежде всего практическій дѣятель, «*born king of men*», какъ называетъ его Барлейль. Говоря о его величіи, можно имѣть въ виду лишь величіе человѣка, взятаго во всемъ его цѣломъ, и общественнаго дѣятеля. Такъ и толкуется величіе Кромвеля, такъ и понимается оно. Глупыя басни о его безпутной юности никого теперь не интересуютъ. Гизо вѣрить имъ, но упоминаетъ о нихъ въ двухъ строкахъ; Барлейль не вѣритъ имъ и опровергаетъ тоже въ двухъ строкахъ. Одинаково поступаетъ и Паули. Если-бы даже было доказано, что двадцатилѣтній Оливеръ Кромвель слишкомъ много пилъ виски, цѣлыя ночи напролетъ проводилъ за костями, нарушалъ сонъ мирныхъ гражданъ, распѣвая безпутныя пѣсни, — то его образъ нисколько бы не потускнѣлъ въ нашихъ глазахъ. Нельзя же на самомъ дѣлѣ соваться всюду съ аршиномъ буржуазной добродѣтели и плакаться о грѣхахъ двадцатилѣтняго юноши, который сталъ впоследствии героемъ цѣлой исторической эпохи.

Лучше однако, пренебрегая частностями, сразу сговориться съ читателемъ на счетъ термина «величіе».

Терминъ этотъ старый, общезвѣстный и общеупотребительный. Это не мѣшаетъ ему быть достаточно неопредѣленнымъ. Но вотъ, если не ошибаюсь, пункты, по поводу которыхъ всѣ должны быть согласны. Эти то пункты и составляютъ элементы величія, какъ оно понимается большинствомъ.

Во-первыхъ величіе немислимо безъ вліянія. Эти двѣ величины прямо пропорціональны другъ другу; чѣмъ больше одно, тѣмъ и другое больше, и наоборотъ: при незначительномъ вліяніи человѣка на жизнь, говорить о его величіи будетъ совсѣмъ напрасно. Это простая сантиментальность, которая по всей вѣроятности украшаетъ людей. Но жизнь ея не знаетъ. Если угодно, жизнь въ этомъ случаѣ даже жестока и опредѣляетъ размѣръ величія математически правильно. Она прямо говоритъ: «велико лишь то, что выживаетъ», и въ этомъ случаѣ смѣшиваетъ величіе съ силой. Гомеръ былъ великій художникъ. Это очевидно. 100 поколѣній наслаждались уже его творческой фантазіей; 100, а вѣроятно и 1000 грядущихъ поколѣній еще будутъ наслаждаться ею. Недаромъ его поэмы называютъ бессмертными, все равно какъ бессмертными можно назвать діалоги Платона, драмы Софокла и Шекспира. Это «бессмертіе» есть высшая степень выживаемости, высшая степень той внутренней силы, которая позволяетъ продукту человѣческаго творчества оста-

ваться многозначительнымъ, несмотря на крушеніе царствъ, цивилизацій и даже угасаніе звѣздъ. Маленькое дѣло — мыльный пузырь; онъ родится, блеснетъ на солнцѣ, вызоветъ восторги дѣтей младшаго возраста и лопнетъ тихо и незамѣтно среди миллиардовъ подобныхъ ему. Только великое остается, только оно «строить» жизнь. Вѣдь въ мысли генія и въ дѣлахъ его скрыта по истинѣ чудодѣйственная, вѣчно юная сила. Она не ржавѣетъ и не старится. Каждое новое поколѣніе подходитъ къ ней съ новыми требованіями, новой точкой зрѣнія, болѣе глубокимъ анализомъ и находитъ въ ней новое содержаніе, новую мощь и красоту. Она неизсякаема и свѣтитъ также величаво, также жизнерадостно, хотя бы сотни лѣтъ прошли уже со дня ея появленія.

Итакъ, сила *вліянія* на жизнь, сила выживаемости есть первый необходимый признакъ великаго.

Во-вторыхъ. Великое способно къ дальнѣйшему синтезу, къ дальнѣйшему развитію. Малое потому и мало, что оно ставитъ себѣ точку немедленно послѣ своего появленія на свѣтъ Божій. Оно не «угадало» жизни, ея дѣйствительныхъ, насущныхъ потребностей; оно не въ состояніи приспособиться ни къ какимъ условіямъ мѣста и времени — тѣмъ менѣе создать для себя нужныя условія и роковымъ образомъ обречено или на эфемерный блескъ, или чахоточное умираніе. Но вѣдь, чтобы выживать, надо развиваться. Это своего рода фатумъ, представляющійся величайшимъ счастьемъ для однихъ, величайшимъ несчастьемъ для другихъ, даже проклятіемъ, какъ напр. для Руссо. Но дѣло не въ счастіи и не въ несчастьи, дѣло въ необходимости, которой стоитъ только заговорить, чтобы умолело все остальное. А «необходимость» жизни постоянно требуетъ новаго приспособленія, новыхъ формъ, движенія впередъ къ высшимъ въ сравненіи съ предшествующими образцами. Возьмете-ли вы идею любой науки, или идею нравственности, или человѣческое учрежденіе — безразлично, вы увидите, что ихъ жизнь заключается въ томъ, что они становятся шире, отвѣченнѣе, охватываютъ болѣе широкій кругъ предметовъ, явленій и понятій, завоевываютъ себѣ большія права и большую власть. Они борются и побѣждаютъ, и растутъ отъ своихъ побѣдъ. Но мы сказали, что великое выживаетъ, а чтобы выживать, надо обладать способностью къ дальнѣйшему синтезу и развитію. Ерго: великое обладаетъ ею.

Въ-третьихъ. Великое *практично*. Не безъ страха употребляю я это слово «практично», такъ какъ знаю, что многіе недолюбливаютъ его. Есть даже формула «непрактично, за то гениально».

Совсѣмъ неумная формула: геніальное, великое всегда практично. Сейчасъ объясню, какъ я это понимаю.

Исторія очень вѣжательно и неопровержимо говоритъ намъ, что въ жизни человѣчества столько же борьбы за настоящія, т. е. дѣйствительныя потребности бытія, сколько и погони за иллюзіями. Этихъ послѣднихъ — увы! — слишкомъ даже много, какъ въ существованіи отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ обществъ, цѣлыхъ народовъ. И поэтому какъ глубоко правъ былъ Сократъ, когда десятки и сотни разъ повторялъ свой излюбленный принципъ: «познай самого себя, свои силы и способности и опредѣли, къ какому дѣлу ты наиболѣе пригоденъ». Да, правда, вездѣ и повсюду слишкомъ много иллюзій. Точно разноцвѣтныя райскія птицы летаютъ онѣ мимо нашихъ глазъ, привлекая къ себѣ блестящими красками; точно призраки наполняютъ онѣ бытіе, и человѣкъ гонится за ними, уловляя неуловимыя тѣни, то спотыкаясь, то падая въ пропасть во время страстной погони за очаровательницей иллюзіей. Ея власть громадна. Возьмите искусство, литературу, жизнь. Отовсюду то самодовольныя и окрыленные успѣхомъ, то блѣдныя, забытыя неудачей, загнанныя нуждой смотрятъ на васъ лица иллюзіонеровъ. Они не видятъ жизни, не хотятъ видѣть ее. Они видятъ, знаютъ, преслѣдуютъ мечту своего воображенія, свою *idée fixe*. Тотъ мнитъ себя дипломатомъ, тотъ — человѣкомъ войны; тотъ ставитъ себя рядомъ съ Ѳемистокломъ, тотъ — съ Александромъ Македонскимъ. У другого неменьшій зудъ писать исторію, затемняя — увы! — не уясняя ея... За томомъ томъ, страница за страницей и летитъ жизнь, пока смерть не скажетъ наконецъ своего властнаго: «довольно!», и воспаленное воображеніе не остынетъ въ ледяномъ холодѣ могилы... А развѣ народы не знаютъ иллюзій, развѣ не свойственно каждому изъ нихъ провозглашать себя величайшимъ и мудрѣйшимъ сосудомъ всякихъ доблестей?.. Возьмите потомъ цѣлыя историческія эпохи, стремленіе Карла V-го возстановить средневѣковую имперію, папства — быть въ XVI-омъ вѣкѣ тѣмъ-же, чѣмъ оно было въ XII-омъ, европейскихъ королей — основать европейскую монархію и т. д., и вы увидите, какъ много силъ и недюжинныхъ силъ потрачено на то, чтобы зачерпнуть ковшомъ отраженіе мѣсяца въ водѣ.

Великая мысль не — иллюзія. Рано или поздно она осуществима. Въ этомъ смыслѣ я и называю ее практичною, т. е. способною жить.

Въ-четвертыхъ. Великое играетъ въ жизни роль начала объединяющаго. Эта мысль настолько проста и элементарна, что я

лишь слегка остановлюсь на ней. Если не ошибаюсь, одинъ изъ греческихъ мудрецовъ сказалъ: «все то, что объединяетъ людей,—то благо», и въ этомъ смыслѣ великое можетъ быть названо благимъ. Психологическія основанія этой формулы очевидны, когда мы переходимъ къ конкретному случаю вліянія героя на толпу. Надо только замѣтить, что въ данномъ случаѣ я употребляю терминъ «герой» не въ научномъ, а въ карлейлевскомъ смыслѣ слова. Для Карлейля герой—прежде всего сила нравственная, для современной науки—сила иниціаторская вообще, въ нравственномъ смыслѣ безразличная. Поэтому-то связующимъ звеномъ между толпой и героемъ не можетъ быть простое подражаніе, а нѣчто высшее, нѣчто болѣе сложное и моральное. Герой науки вызываетъ людей къ поступкамъ вообще, герой Карлейля—только къ благороднымъ поступкамъ. Словомъ, сущность героизма и иниціаторства является у Карлейля осложненнымъ, болѣе узкимъ и одностороннимъ, но высшимъ по типу. Съ его героемъ по необходимости связано представленіе о «высокомъ» въ нравственномъ отношеніи.

Какимъ же образомъ это «высокое» исполняетъ объединяющую роль? Обыденная жизнь обыденнаго маленькаго человѣка даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ каждомъ изъ насъ живетъ любовь къ правдѣ, но далеко не каждый чувствуетъ это. У насъ есть въ глубинѣ души стремленіе къ справедливости, но оно затерялось среди сорныхъ травъ, оно придавлено и даже подавлено нашимъ алчнымъ себялюбивымъ «я». Мы зачастую, чуть ли не каждый день, чувствуемъ себя рабами собственныхъ страстей и похотей, но не знаемъ, какъ бороться съ ними: въ концѣ концовъ побѣждаютъ онѣ. И невольная грусть, невольное томленіе, или же совсѣмъ наоборотъ скотское самодовольство овладѣваютъ человѣкомъ, когда совсѣмъ перестаетъ бить въ немъ родникъ Вѣчной правды, занесенный иломъ и грязью. Увы!—кому изъ насъ не приходится ежеминутно убѣждаться въ собственномъ безсиліи? Это обидное безсиліе. Наша жажда правды и справедливости точно птица съ прострѣленнымъ крыломъ робко прячется въ тѣни густого кустарника и пугливо озирается по сторонамъ, ежеминутно вздрагивая и возбуждая невольное состраданіе. Очевидно, что не этой жаждѣ справедливости и добра приходится играть первенствующую роль. Какъ разъ наоборотъ: на сценѣ жизни воюетъ, кипитъ, приходитъ въ отчаяніе, переживаетъ себялюбивые восторги—маленькое, не наполнимое, эгоистическое «я». Но стоитъ только человѣку свести свои заботы и свою дѣятельность къ его убогому убоженію, какъ онъ по необходимости ока-

жестя въ тайной или явной враждѣ со всѣми своими ближними. Единство жизни можетъ конечно поддерживаться, но механически. Традиціи, привычка, личныя симпатіи, принудительная сила государства, соображенія собственной выгоды—вотъ обыкновенные факторы единенія, причемъ принудительные играютъ первенствующую роль. Однако исторія представляетъ намъ и другіе примѣры, другія зрѣлища. Мы часто видимъ, какъ человѣкъ свободно, хотя и произвольно, т. е. безъ всякаго вѣшняго принужденія, свое себя-любивое «я» подчиняетъ или даже приноситъ въ жертву высшему началу—любви къ Богу, стремленію къ справедливости. И удивительное дѣло—въ такомъ случаѣ онъ немедленно оказывается не во враждѣ уже, а въ плотной, неразрывной связи со многими и многими изъ себѣ подобныхъ. Появленіе героя, т. е. человѣка, въ которомъ конкретно воплотилось высшее начало, облегчаетъ этотъ процессъ. Человѣкъ слабъ, безсиленъ; родникъ Вѣчной правды, находящійся въ душѣ его, занесенъ иломъ и грязью. Мощное слово героя, непосредственная сила очарованія, съ какою онъ вліяетъ на каждого, открываютъ этотъ родникъ, и онъ опять начинаетъ бить, но не съ прежней, а неизмѣримо большей силой. Обыденный смертный, сжившись съ героемъ, чувствуетъ, какъ поднялся онъ самъ въ глазахъ своихъ, какъ исчезли его робость и напряженное, болѣзненное животолобіе. Правда, лично отъ своего «я» онъ отказался. Герой, какъ нѣчто грандіозное, очаровалъ и подавилъ его. Но что въ данномъ по крайней мѣрѣ случаѣ означаетъ отрѣченіе отъ своего «я»? Говоря картинно: сліяніе ручья съ моремъ, своей воли—съ высшей, своихъ неясныхъ стремленій—съ стремленіями ясными и опредѣленными, смутнаго предчувствія о правдѣ—съ полнымъ сознаніемъ ея. Въ этомъ рабствѣ—вышая свобода, такъ какъ оно не унижаетъ, не гнететъ, а выводитъ на ту высоту нравственной жизни, до которой не можетъ добраться лично самъ отдѣльный, маленькій человѣкъ. И тутъ только онъ убѣждается, что истинное единеніе между людьми возможно лишь при подчиненіи своего «я» высшему началу. Возлѣ героя образуется толпа, не въ смыслѣ количественной массы, а одухотвореннаго, живого и плотнаго цѣлаго. Таковы элементы величія.

Но мы видѣли, что величіе признано за Кромвелемъ такимъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ, что было бы бесполезно оспаривать его. Значить, въ дѣятельности лорда-протектора соединенныхъ королевствъ мы должны найти и выживаемость, и способность къ дальнѣйшему развитію, и практичность, и способность объ-

единять людей. Въ его личности, какъ личности героической, мы увидимъ непосредственную силу проникновенія и очарованія.

Ясно, о чемъ должна говорить намъ его біографія.

I.

Первыя сорокъ лѣтъ.

Родъ и семья Кромвеля.—Дѣтство и юношество.—Религіозныя сомнѣнія.—
Отношеніе къ кальвинизму и пуританизму.—Сромный сельскій джентльмэнъ.—
Участіе въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ.

Родъ Кромвеля не имѣетъ никакого отношенія къ лордамъ того же имени, которые въ XIV-омъ и XV-мъ столѣтіяхъ были сдѣланы перами. Но за то доказано его родство съ сильнымъ министромъ Генриха VIII-го, Томасомъ Кромвелемъ, графомъ Эссекскимъ, «молотомъ монаховъ» (*malleus monachorum*), безпощадно гнавшимъ святыхъ отцовъ, разрушавшимъ ихъ монастыри и безжалостно распродавшимъ съ молотка почти всѣ ихъ земли. Племянникъ Томаса, сэръ Ричардъ Вилльямъ, валіецъ и землякъ Тюдоровъ, *swift riding man*, какъ называетъ его Карлейль, т. е. «быстро разѣзжающій челоуѣкъ», успѣлъ во время могущества своего знатнаго родственника и во время своихъ быстрыхъ разѣздовъ отъ монастыря къ монастырю захватить нѣсколько хорошихъ имѣній и обогатиться. Паденіе старшаго Кромвеля не коснулось младшаго. Младшій уцѣлѣлъ, хотя его благодѣтель сэръ Томасъ и долженъ былъ сложить свою голову на плахѣ. Пришлось только разстаться съ быстрыми разѣздами и поселиться на покой въ благопріобрѣтенныхъ имѣніяхъ, находя безопасность въ собственномъ ничтожествѣ. Это впрочемъ и не было особенно скучно. Монастырскія имѣнія, хотя и несправедливо отнятыя, давали великолѣпный доходъ, занятія хозяйствомъ требовали много времени, охота и пиры доставляли достаточно развлеченій неизбалованному городской жизнью сельскому дворянину. Смуты и тревоги, нарушавшія покой высшей аристократіи или лондонскихъ гражданъ, не тревожили сэра Вилльямса; онъ преспокойно гонялъ зайцевъ во время казни Анны Болейнъ и умеръ, оставивъ прекрасно устроенное имѣніе своему сыну сэру Генри. Сэръ Генри, прозванный «золотымъ рыцаремъ», велъ роскошную жизнь; его игры славились на сто миль въ окрестности;